

О НОВОМ СМЫСЛЕ ИНСТИТУТА ПРЕЗИДЕНТА*

М. А. Краснов

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Москва, Россия

Аннотация: В статье поднимается проблема авторитарного потенциала, коренящегося в современном институте президента. Позиция автора сводится к тому, что институт президента произошел от института монарха и вместе с этим унаследовал его публично-правовой смысл. В то же время монархические свойства не могли быть «переданы» президенту в силу принципиально иной природы этого института. Именно поэтому президент — не республиканская копия монарха, а его эрзац. Занимая высшую позицию в государственной системе — являясь главой государства, президент начинает тяготеть к овладению монархическими свойствами. Не потому, что желает стать монархом, а потому, что хочет сделать свою власть практически неограниченной и бессрочной — установить режим личной власти. Это — онтологическая опасность, хотя для реализации авторитарного перерождения нужны определенные условия. В статье обрисовывается новая модель института президента, которая, по мнению автора, способна существенно снизить вероятность авторитарного тренда президента. Суть предлагаемой модели в принципиальном изменении самого смысла главы государства — в переходе от роли руководителя (неважно, реального или формального/номинального) к роли хранителя конституционного строя. При этом сам конституционный строй понимается широко, т. е. не только как установленная система государственных органов, действующих в рамках своей компетенции, но и как соответствие их деятельности конституционным ценностям (конституционализму). Обретение нового смысла института президента видится не в уменьшении объема власти, а, во-первых, в изменении направленности, характера полномочий и, во-вторых, в обеспечении политической нейтральности главы государства. Последняя может быть обеспечена совокупностью мер, среди которых главной служит полное отстранение президента от процессов текущего государственного управления, но не для наделения президента церемониальной ролью, а для его сосредоточения исключительно на охране и защите конституционного строя. В заключении статьи описываются некоторые конкретные параметры, характеризующие новое понимание института президента.

* В основе статьи лежит аналитическая записка, подготовленная для фонда «Либеральная миссия» в феврале 2021 г

Ключевые слова: президент, монарх, глава государства, смешанная модель, авторитарный потенциал, гарант конституции, конституционализм.

Для цитирования: *Краснов М. А. О новом смысле института президента // Koinon. 2021. Т. 2. № 1. С. 38–60. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.002*

ON THE NEW MEANING OF THE INSTITUTION OF THE PRESIDENCY

М. А. Krasnov

National Research University
Higher School of Economics
Moscow, Russia

Abstract: The article raises the problem of the authoritarian potential rooted in the current institution of the presidency. The author's position is that an institution of the presidency evolved from the institution of the monarch, and along with it, inherited its public law meaning. At the same time, the monarchical properties could not be "delegated" to the president only due to the fundamentally different nature of this institution. That is why President is not a republican copy of the monarch, but a replica. When the president assumes the highest position in the state system, as head of state, he tends to acquire monarchic qualities. Not because he wants to become a monarch, but because he wants to make his power virtually unlimited and indefinite, i.e. to establish a regime of personal power. This is an ontological danger, although certain conditions are necessary to realize an authoritarian rebirth. This paper outlines a new model for the institution of the presidency. In the author's opinion, it can significantly reduce the likelihood of an authoritarian trend. The essence of the proposed model is a fundamental change in the very meaning of the head of state. It involves the transition from his role of a leader (whether actual or formal/nominal) to that of the guardian of the constitutional order. Here, the comprehension of the constitutional order itself is broad. In other words, it is not only an established system of state bodies acting within their competence but also the compliance of their activities with constitutional values (constitutionalism). The author argues that the new meaning of the institution of the presidency is not a reduction in the amount of power. In the author's view, it is, first, a change in the focus and nature of power and, second, ensuring the political neutrality of the head of state. A set of measures can ensure the latter. And among them, the main is the complete removal of the President from the processes of current state administration. It does not mean for President to have only a ceremonial role. It means to focus exclusively on the protection and defense of the constitutional order. The paper concludes by describing some specific parameters that characterize the new understanding of the president.

Keywords: president, monarch, head of state, mixed model, authoritarian potential, guarantor of the constitution, constitutional principles.

For citation: Krasnov, M. A. (2021), “On the new Meaning of the Institution of the Presidency”, *Koinon*, vol. 2, no. 1, pp. 38–60 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.002

В 1990 г. вышла статья известного американского политолога Хуана Линца «Опасности президентализма» [Linz 1990]. Главную опасность этой — президентцентричной — системы Линц видел в ее огромном авторитарном потенциале, который обусловлен, прежде всего, убежденностью президента «в том, что он обладает *независимой властью* и пользуется поддержкой народа, может создавать у него *ощущение собственной силы и миссии*, даже если количество проголосовавших за него в совокупности невелико. Проникнутый подобными представлениями о своем положении и своей роли, он начинает *воспринимать неизбежную оппозицию своей политике как раздражающий и деморализующий фактор*, в отличие от премьер-министра (в парламентской системе. — М. К.), который видит в себе всего лишь представителя временной правящей коалиции, а не выразителя интересов нации или народного трибуна» [Линц 2006, с. 117¹].

Действительно, авторитарная опасность президента ощущалась уже в процессе рождения этого института. Многие участники Филадельфийского конвента (май–сентябрь 1787 г.) «опасались, что *наделенный чрезмерной властью президент принесет с собой тиранию*» [Бернам 2006, с. 54] (курсив в цитатах мой. — М. К.). Не было сомнений, кто станет первым президентом, но именно потому, что авторитет Джорджа Вашингтона был огромен, как раз и следовало, по мнению некоторых «отцов-основателей», ограничить прерогативы исполнительной власти.

История подтвердила эти опасения. Не по отношению к Дж. Вашингтону. Он-то как раз показал пример политического благородства, отказавшись баллотироваться в третий раз, когда почувствовал, что теряет авторитет среди своих соратников [Вашингтон 1796]. Опасения подтвердились в другие времена и в других странах. Особенно с появлением полупрезидентской (смешанной) модели², которую взяли на вооружение очень многие постсоциалистические (включая постсоветские) государства, в том числе Россия. Тем не менее, все же хочу кое в чем не согласиться с Х. Линцем.

¹ Ссылка на цитату дается не по оригиналу, а по великолепному переводу выдержек из статьи Линца. Правда, на русском языке название значит как «Опасности президентской формы правления» и в подстрочнике указано название оригинала «The Perils of Presidency», что также неточно. На самом деле в оригинале стоит название «The Perils of Presidentialism». Это важно отметить, так как президентализм нельзя считать ни формой правления, ни президентством (Presidency).

² Эта модель впервые появилась в Веймарской Конституции Германии (1919 г.), но свое название получила после создания Пятой французской Республики, построенной на этой модели.

Во-первых, далеко не все зависит от президента, если он хочет установить режим личной власти³. Опасности, которые несет с собой институт президента, могут быть нейтрализованы развитым конституционным сознанием, политической культурой, демократическим опытом элит и общества (как, например, во Франции, где де Голля подозревали в диктаторских устремлениях). Во-вторых, не всегда парламентская модель является хорошей альтернативой президентализму, так как для парламентской республики нужны определенные условия, которых в данной стране и в данный период может не быть (как, например, в сегодняшней России⁴). Отсюда — в-третьих: свои преимущества есть и у таких разновидностей республиканской формы правления, как президентская и, особенно, полупрезидентская республика. Поэтому стоит не отбрасывать их, а пытаться искать условия, при которых и будут надежно защищены ценности конституционного строя и минимизирована авторитарная опасность. Одному из направлений таких поисков посвящена настоящая статья.

1

Институт президента, каким мы его знаем сегодня, «кровными узами» связан с институтом *монарха* европейского типа. Правда, есть мнение, будто феномен президентства коренится в древнеримских диктатурах. З. М. Черниловский, выдвинувший такое предположение, обосновывал его тем, что *демократический* характер этой должности «подчеркивался официальным наименованием правоуполномоченного лица, которому вверялась высшая и неограниченная власть — “magister populi” — “предводитель народа”, позднее — “диктатор” (от dicto — предписывать, приказывать). Прекрасно отдавая себе отчет в том, что неограниченная власть по самой своей природе тяготеет к авторитаризму, создатели римской республиканской конституции ограничивали диктатуру предельным 6-месячным сроком. Публичное сложение полномочий возвращало диктатора к его прежней роли и восстанавливало в полном объеме полномочия ординарных магистратов. И только со времен Суллы (82 г. до н. э.), объявленного пожизненным диктатором, старый республиканский институт, много послуживший благополучию республики, в корне перерождается, положив начало единовластию Цезаря, Августа и их преемников» [Черниловский 1991, с. 110].

Что-то общее у президента с древнеримским диктатором и вправду есть. Тем более что это была (по Ж. Бодену и К. Шмитту) не «суверенная»,

³ Этот термин я буду здесь применять как синоним авторитарного, персоналистского, авторитарного, вождистского режимов.

⁴ Если кратко, то, как минимум, в силу неразвитости договорной культуры партий, низкой общей политической культуры элит и общества в целом, стереотипного представления о власти как о персонализированной.

а «комиссарская» диктатура, т. е. «диктатор имел только *комиссионное поручение*», и суверен мог его отозвать [Шмитт 2005, с. 45]. И все же «диктаторская родословная» президента — не более чем экзотическая гипотеза. Обстоятельства рождения этого института (а он впервые появился в Конституции США 1787 г.) определенно указывают не просто на монархическое заимствование, но и на то, что его прообразом был *конкретный* монарх — король Великобритании и Ирландии Георг III. Это неудивительно, ибо английская политическая система власти была наиболее знакома «отцам-основателям». Они в некотором смысле даже были ее частью, относясь, в большинстве своем, к либеральной партии вигов⁵. К тому же ответственные политики не стремятся выдумывать нечто абсолютно новое, а, скорее, конструируют из того, что им хорошо известно.

Благодаря своему «монархическому генезису» институт президента стал восприниматься как *республиканский аналог монарха* и потому, казалось бы, вполне естественно, что его стали называть: «конституционный король на время» (А.-П. Батби), «республиканизированный монарх» (К. Шмитт), «республиканский монарх» (М. Дюверже), «выборный король»⁶ (А. Шлезингер-мл.) и т. п. Однако такие метафоры не очень верны. Президент является не «республиканской копией» монарха, а его *эрзацем*. Какие-то свойства эрзаца могут быть даже лучше, чем у оригинала, но эрзац никогда не сможет стать оригиналом, не изменив свою сущность, точнее, свою *природу*. **А природа монарха (имманентные ему свойства) в корне иная.**

Нет какого-то «канонического» перечня монархических свойств, и в прошлом о них (даже об их числе) исследователи спорили. На мой взгляд, имеет смысл выделять *следующие свойства*.

1. Власть монарха не производна ни от народа, ни от какой-то иной земной власти. У монарха *сакральная легитимность*, не исчезающая даже при официальном признании суверенитета народа в конституционной монархии (хотя теоретическая проблема тут есть, но, как заметил Леон Дюги, «ограниченная монархия в Англии естественно вышла из фактов и нисколько не заботилась о теоретическом примирении монархического принципа и национального суверенитета» [Дюги 1908, с. 549]).

2. Монарх не несет ни политической, ни юридической ответственности. Его *не-ответственность* (или, как раньше говорили, безответственность (например, [Чичерин 2006, с. 160])) проистекает именно из сакральности

⁵ В этом можно было бы усмотреть некоторый парадокс: люди с республиканским мировоззрением избрали в качестве образца институт монарха, к тому же олицетворяемого тем, кого они обвиняли в деспотизме. Но парадокса тут нет, ибо республиканское сознание не следует отождествлять с неприятием монархии. По крайней мере, это не было тождественным в период разработки Конституции США.

⁶ Вообще-то это не очень корректно, так как выборные монархи существуют.

монаршей власти. В шекспировском «Ричарде II» епископ Карлейльский восклицает:

«Как может подданный судить монарха?»

А подданные Ричарда — здесь все!

Ведь даже вора осудить нельзя,

Не выслушав, хоть кража очевидна.

Так можно ли судить вам государя,

Носителя, наместника Господня,

Венчанного, помазанного Богом,

И приговор заочно выносить?»

Эта идея получила наибольшее развитие в Средние века, когда появились теории, смысл которых состоял в том, что монарх не является обычным человеком [Канторович 2015].

3. Пожизненность (бессрочность) пребывания в статусе монарха.

Часто бессрочность связывается с принципом наследования. Это не вполне верно, так как выборные монархии были в прошлом и существуют поныне. Однако, даже будучи избираемым (тем более что не на всеобщих выборах), монарх занимает свое место пожизненно. В противном случае мы имели бы полное право называть такого главу государства президентом, пусть даже формально он будет именоваться «король». Так, главу государства в Малайзии принято считать монархом. Однако это неверно. Хотя в ст. 32 Конституции Федерации Малайзии 1957 г. говорится, что «Верховный глава Федерации, именуемый Янг ди-Пертуан Агонг... по рангу стоит выше всех других лиц в Федерации и не несет ответственности перед каким-либо судом», он все же избирается Советом правителей лишь на пять лет и, главное, «может быть отстранен от должности Советом правителей; он прекращает исполнение своих обязанностей, перестав быть Правителем». Таким образом, речь идет о весьма своеобразном институте, совмещающем в себе черты и монарха, и президента.

4. Монарх обладает неограниченной властью. Казалось бы, этому противоречит то обстоятельство, что монаршая власть давно не является неограниченной, а исторический тренд состоит в ее сужении. Это так: социально-политические обстоятельства заставили монархов согласиться с ограничением их власти. Но это было именно **их** согласие (пусть иногда и в страхе перед революцией). И если какой-то европейский монарх возвращал (или вернет) себе неограниченную власть, устраняя или подавляя институты-ограничители, он не менял (не изменит) свою природу монарха, т. е. не станет узурпатором. Совершенно прав был Н. М. Коркунов, когда писал, что «раз существует монархическая власть, как бы она ни была ограничена, получится монархия, а не республика» [Коркунов 2004, с. 315–316].

Между прочим, и Джон Локк не видел противоречия между широкой дискреционной властью короля и принципом разделения властей, он не отрицал возможности предоставления монарху *carte blanche*, если того требует защита общего интереса. В те времена это входило в понятие «*прерогатива*». Локк раскрывал ее как «власть действовать *сообразно собственному разумению* ради общественного блага, *не опираясь на предписания закона, а иногда даже вопреки ему*» [Локк 1988, с. 357]. Такая прерогатива, продолжал он, вручается государю «по доверию» и является «*неограниченной властью в отношении некоторых вещей*», но исключительно «на благо, а не во вред народу» [Там же, с. 384].

5. Монарх — политически нейтральный институт. Правда, многие монархи давнего и недавнего прошлого по-разному относились к разным группам своих подданных. Достаточно вспомнить римских, затем византийских императоров-ариан, монофизитов или иконоборцев, преследовавших тех, кто не разделял эти ереси; французских и английских королей, по-разному относившихся к католикам и протестантам. Однако речь идет не о религиозной или этнической, а именно о *политической* нейтральности⁷ и к тому же института, а не конкретных личностей.

Политическая нейтральность — исторически обусловленное свойство. О ней бессмысленно было говорить при абсолютизме, поскольку не было политикума и самой politics в ее современном понимании. Это свойство «всплыло», когда появились политические партии, а точнее, когда парламенты отвоёвывали у монархов право формировать кабинеты министров (правительства). И дабы не лишиться трона, монархи согласились с этой потерей и стали чем-то наподобие «отцов нации» («отцов отечества»). Германский кайзер Вильгельм II, обращаясь во время Первой мировой войны к избирателям социал-демократов, говорил: «Для меня в Германии нет больше партий, есть только немцы!» (цит. по: [Хряков 2010, с. 20]). Или: норвежский король Хокон VII в 1920-х гг., после вручения мандата на формирование правительства лидеру Рабочей партии, заявил: «Я король и для коммунистов»⁸. Б. Н. Чичерин, хотя и несколько романтизировал причину нейтральности, точно заметил: «Ничто не препятствует конституционному монарху проводить в управлении свои взгляды и убеждения, пока он находит поддержку в стране. Но политика, встречающая постоянный отпор в представительстве, приносит вред государству тем, что производит разлад. Потребность дружной деятельности различных органов верховной власти побуждает монарха вручить управление тем лицам, которые

⁷ Сознательно не применяю слово «нейтралитет», поскольку оно несет в себе значительную долю субъективного, волевого. В русском языке «нейтральность» в большей мере выражает то, что данное свойство существует объективно.

⁸ Кто-то приводит эти слова немного иначе («даже для коммунистов»), да и относит их к 1940-м годам [Кивле, Сомов 2011, с. 44].

в состоянии установить это согласие. Юридически он к этому не обязан; никакая конституция не содержит в себе такого постановления, ибо юридическая зависимость королевской власти от воли большинства противоречит началам конституционной монархии. Но *во имя общественной пользы*, для правильного действия конституционных учреждений, которых он высший хранитель, монарх назначает людей, хотя лично с ним не согласных, но имеющих поддержку в стране и идущих рука об руку с палатами. ***Поступая таким образом, он является гораздо высшим полнейшим представителем общих интересов государства, нежели действуя по личным взглядам или внушениям какой-либо партии.*** Этим он оказывает уважение своему народу и тому законному порядку, во главе которого стоит» [Чичерин 2016, с. 179].

Понятно, что у института монарха и вообще у монархии есть и другие специфические свойства (например, [Ильин 2019, с. 415]), но я выделил лишь те, которые можно соотнести со свойствами президента. На этом соотношении стоит остановиться.

2

Свойства института президента противоположны монархическим: вместо сакральной легитимности — демократическая, вместо не-ответственности — ответственность (пусть даже где-то ограниченная), вместо пожизненности правления — ограничение сроков пребывания в должности, вместо неограниченной власти — рамки компетенции, вместо политической нейтральности партийная ангажированность. Может поэтому показаться, что метафора «эрзац монарха» неверна. Однако не нужно забывать, что эрзац может создаваться (и, как правило, создается) не для дублирования *свойств* оригинала, а для воспроизведения его *качества*. **Основное качество монарха, его институциональный смысл — главенство, руководство** (неважно, формальное или реальное). Президент же унаследовал как раз это качество, поскольку занял место монарха в системе публичной власти — место ***главы государства***.

Строго говоря, древних монархов (тем более восточных деспотов) ошибочно именуют в литературе главами государств. Абсолютный монарх не может быть главой, т. е. *высшим органом*, государства. Он — **государь** (хотя этот термин известен лишь некоторым славянским языкам, например русскому, сербскому), т. е. *тождествен* государству, и известная фраза Людовика XIV «Государство — это я» была совершенно адекватна его реальному положению⁹. Карл Шмитт так раскрывал ее смысл: «Тезис L'État c'est moi означает: "Только я репрезентирую политическое единство нации"» [Шмитт 2010, с. 42].

⁹ Хотя Л. А. Тихомиров считал, что эта формула была высказана, скорее, ради «красного словца» [Тихомиров 1998, с. 201].

Примерно так же характеризовал монарха и выдающийся философ В. С. Соловьев, называя его «верховным представителем национально-политического единства, “отцом отечества”» [Соловьев 2010, с. 127–128].

Понятие «глава государства» начинает распространяться с конца XVIII в. благодаря американской и французской революциям. Георг Еллинек считал, что этот термин позволил создать «*общую категорию* для разного рода законных и революционных властителей. Король, император, президент *объединяются под термином chef d'état*, так что каждый глава государства, власть которого вытекает из какого-либо *нового источника*, тотчас же вступает во все законные функции своего предшественника, за исключением, конечно, видоизмененных или отмененных новой конституцией» [Еллинек 1908, с. 263]. Интересно, что первые официальные употребления термина «глава государства» появились в текстах именно монархических конституций — нескольких немецких княжеств первой четверти XIX в. [Там же, с. 343]. Но что стоит за этим термином?

При всем разнообразии определений понятия главы государства, даваемых в юридических учебниках, словарях, энциклопедиях, а иногда и в самих конституциях, можно обнаружить *три элемента* (хотя в каких-то дефинициях один или даже два из них отсутствуют): 1) *высшее место* в системе органов публичной власти; 2) *высший представитель* государства; 3) *символ* (государства, единства нации и т. п.). Но, соотнося это с действительностью, нетрудно увидеть, что такое восприятие сущности главы государства не только не универсально, но и, главное, является теоретически опасным для конституционного строя.

Прежде всего, такая опасность гнездится в понятии «высшее место», что, в свою очередь, вытекает из смысла термина «глава государства». Ведь интенция, содержащаяся в нем, адресует к *начальствованию, руководству, командованию*. Многие конституционные документы так и раскрывают его. Например, Временное правительство Польши после получения этой страной независимости 22 ноября 1918 г. издало «Декрет о *наивысшей власти* в Польской республике» и создало должность Временного *начальника государства*, соответствовавшую должности президента по месту в системе органов власти и компетенции [Баев, Ковальски 2011, с. 618]. Или: ст. 36 Конституции Республики Кипр гласит: «Президент Республики является *главой государства и первым лицом* Республики». Тут, правда, союзом «и» как бы разграничиваются эти понятия. Но такой оборот, скорее, нужно понимать следующим образом: «является *главой государства и, следовательно, первым лицом*».

Естественно, что и сами президенты, если они обладают мощными управленческими полномочиями, считают себя руководителями страны. Например, второй президент США Дж. Адамс (1797–1801) заявлял, что он «*руководитель государства*» [Инаугурационные речи 2001, с. 42], а президент Ф. Пирс (1853–1857) — что «*призван в течение ограниченного периода времени руководить*

судьбами Республики» [Инаугурационные речи 2001, с. 187]. В подобном ключе рассуждал и Вудро Вильсон, оправдывавший возвышение главы государства¹⁰ над всеми иными институтами тем, что «президент — это не просто *законный глава*, но также *политический лидер нации*» [Wilson 1917, p. 75]. Из этого исходил и основатель Пятой Французской Республики генерал Ш. де Голль, утверждавший: «Президент отнюдь не должен, как прежде, ограничиваться чисто представительной ролью и ролью советчика; теперь Конституция возлагает на него огромную *ответственность за судьбу Франции и судьбу Республики*. В самом деле, по Конституции президент является *гарантом*, — вы понимаете, именно *гарантом* — независимости, целостности страны, а также договоров, которые налагают на нее обязательства. Короче говоря, он *отвечает за Францию*. С другой стороны, ему надлежит обеспечивать преемственность государства и нормальное функционирование властей. Короче говоря, он *отвечает за Республику*» (цит. по: [Крутоголов 1980, с. 50–51]). Так что нет ничего удивительного, что в своей первой инаугурационной речи в 2000 г. и президент РФ В. В. Путин сказал: «Я понимаю, что взял на себя огромную ответственность, и знаю, в России *глава государства всегда был и будет человеком, который отвечает за все, что происходит в стране*» [Инаугурационная речь 2000].

Но что значит «руководить страной», «отвечать за нее», «отвечать за ее судьбу» и проч., и проч.? **Каждый понимает это по-своему**, и президент может толковать свои функции и полномочия, перечисленные в национальной конституции, весьма *расширительно*. Причем, в зависимости от характера господствующего политического режима, *до такой степени* расширительно, что иногда перечеркивает принцип разделения властей.

Конечно, в конституционном государстве судебная власть не станет подерживать любое толкование президентом своих функций и полномочий. Например, Верховным судом США была выработана доктрина «скрытых», или «подразумеваемых», полномочий президента (т. е. как раз право расширительно толковать собственные полномочия). В деле *United States v. Nixon* (1974 г.) Суд «признал, что “привилегия исполнительной власти” действительно существует как *подразумеваемое полномочие Президента США*. Несмотря на отсутствие прямых указаний в статье II Конституции США, указал Суд в своем решении по делу, “*определенные полномочия и привилегии проистекают из самой природы перечисленных полномочий*; охрана конфиденциальности информации в распоряжении Президента имеет схожие конституционные основания” в той мере, в какой таковая конфиденциальность “имеет отношение к эффективному

¹⁰ Хотя президент США официально не назван главой государства, исследователи считают его именно таковым, имея в виду, что он является его фактическим *руководителем* (см., например: [Токвиль 2001, с. 112–118 и др.; Бернам 2006, с. 56; Дёгтев 2005, с. 14; Сахаров 1994, с. 9]).

отправлению функций того или иного Президента, *она является конституционно обоснованной*» [Бернам 2006, с. 66]. Но в том же деле Верховный суд США установил, что магнитофонные записи, сделанные в отеле «Уотергейт», не имеют отношения к отправлению функций президента и отказ президентской команды их предоставить не соответствует Конституции.

Вообще судебская независимость служит мощной гарантией от авторитарного перерождения президента. Но эта гарантия *вторична*, ибо саму независимость нужно сначала обеспечить. Джон Маршалл, под чьим руководством Верховный суд США впервые стал рассматривать конституционность законов, мог появиться только в конкурентной политической среде и при сильном парламенте (Конгрессе). Поэтому если персоналистский режим установлен, надежды на судебное ограничение властной экспансии президента уже не остается.

Вот яркий пример: в ст. 80 Конституции РФ содержится полномочие президента определять основные направления внутренней и внешней политики страны. Само по себе это полномочие создает существенный перекосяк в системе сдержек и противовесов в пользу президента и противоречит его роли гаранта Конституции. Но Конституционный Суд РФ еще больше усилил дисбаланс, постановив в 2006 г., что определяемые президентом основные направления внутренней и внешней политики государства *обязательны для всех органов публичной власти* [Постановление 2006]. Среди прочего, это означает, что даже если бы президент согласился формировать правительство из кандидатур, представленных парламентским большинством, этот кабинет *просто не смог бы проводить свой курс* — только президентский.

Для установления персоналистского режима требуется, чтобы налицо были *два фактора*: а) дисбаланс властных полномочий в пользу президента и, соответственно, в ущерб парламенту и б) согласие общества с режимом личной власти, обусловленное неразвитостью конституционного сознания, отсутствием навыков жизни в условиях политической конкуренции, стереотипным восприятием власти как персоналистской, низким качеством политической элиты и т. п. Конечно, второй (социокультурный) фактор невозможно быстро устранить и укоренить в обществе политическую — конкурентную и антиперсоналистскую — культуру. Но нельзя недооценивать и значение первого (институционального) фактора, в формировании которого не последнюю роль играет статус главы государства.

И тут надо обратить внимание еще на одно следствие, вытекающее из понятия «глава государства» и ставшее очевидным в полупрезидентской/смешанной модели (а речь, главным образом, о ней). Такой статус президента побуждает воспринимать его как институт, стоящий *над всеми иными органами и, по сути, над системой разделения властей* (кстати, в России это не просто мнение многих конституционалистов и позиция Конституционного суда, но теперь и отчетливо подтверждено законодательно — в Законе

о Госсовете [Федеральный закон 2020]). И такую возможность предоставляет сама Конституция РФ, над «загадкой» которой давно бьются российские конституционалисты. В ее *ст. 10* сказано, что государственная власть осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную, а *ст. 11* начинается со слов: «Государственную власть в Российской Федерации осуществляют *Президент Российской Федерации*, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации». «Загадка» (на самом деле — опасное противоречие) состоит в трилемме: президент — либо глава исполнительной власти (но тогда это не будет соответствовать конституционной конструкции смешанной модели), либо олицетворяет отдельную, президентскую, ветвь власти (но о ней Конституция РФ ничего не говорит), либо *стоит над всеми ветвями власти*. Доктрина «возвышения» обосновывается статусом главы государства, из которого вытекает, прежде всего, его функция/роль **гаранта конституции**.

Российская Конституция, раскрывая эту роль, говорит об обязанности а) охранять государственный суверенитет, независимость и государственную целостность и б) обеспечивать «согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти»¹¹. Это результат следования ошибочному, слишком узкому пониманию гарантирования — только как посредничества, медиаторства, координации. Между тем гарантировать конституцию — значит, в первую очередь, охранять и защищать *конституционные ценности и принципы*, в которых, собственно, и отражается дух конституции.

Но даже при узком понимании «гаранта» эта роль естественным образом предполагает его **политическую нейтральность**. Недаром Карл Шмитт яростно доказывал Гансу Кельзену, что нейтральным является президент (Веймарской республики), а не конституционный суд. Однако **ни один из современных президентов не в состоянии «воспроизвести» монархическое свойство нейтральности**.

В некоторых конституционных моделях президент, правда, как бы «приближается» к нейтральности — прежде всего, президент *парламентской республики*. Во-первых, он избирается не на всеобщих выборах, т. е. ему неведомы страсти предвыборной борьбы, выдвижение каких-то программ, лозунгов и т. п. А во-вторых, такой президент институционально настолько слаб, что его участие в процессе принятия политических решений минимально. Это не та должность, за которую ведется острая политическая борьба: один немецкий исследователь назвал такого президента «государственным нотариусом», а другой написал, что в ФРГ президентская должность «воспринимается

¹¹ До 2020 г. в ч. 2 ст. 80 говорилось: «органов государственной власти».

некоторыми политическими партиями настолько слабой, что можно себе позволить не вполне серьезно баллотироваться на нее — “ради развлечения”, как сделал бывший комиссар из телевизионного детективного сериала, который недавними высказываниями впечатляюще продемонстрировал свою явную непригодность» [Stein 2009, s. 250]. Похожая ситуация и в тех *полупрезидентских республиках* (Польша, Словения, Молдова, Болгария и др.), где правительство в большей степени зависит от парламента, а не президента (волнения в Болгарии осенью 2020 г., вызванные конфликтом премьера с президентом, и беспомощность последнего, тому яркое свидетельство. А в марте 2021 г. это подтвердили и события в Армении). Но ведь и гарантами конституций такие президенты не в состоянии быть. У них нет для этого ни авторитета (как у монарха), ни силы заставить политических игроков соблюдать правила.

В *президентской модели* (например, США, многие латиноамериканские государства) президент не в состоянии быть политически нейтральным, поскольку официально возглавляет исполнительную власть. Но показательно, что даже здесь многие президенты предпочитают в инаугурационных речах заявлять о своей нейтральности, желая предстать «президентами всего народа». Вудро Вильсон попытался даже подвести под это теоретическое основание. Он писал, что народ предпочитает выбирать личность, а не партию. Поэтому, по его словам, пользующийся народным доверием президент — «политический лидер нации или хотя бы сделал свой выбор быть таковым» [Wilson 1917, p. 69]. Разумеется, это не соответствует действительности, поскольку здесь президент избирается именно как представитель партии (теоретически может быть избран и независимый кандидат, но это не изменит сути, ибо президент возглавляет исполнительную власть, а значит, проводит вполне определенную политику). Мечты «отцов-основателей» (например, Дж. Вашингтона, Дж. Мэдисона) о надпартийном президенте сразу же разбились о суровую политическую действительность.

Неудивительно, что к позиционированию собственной нейтральности склонен институционально сильный президент в *смешанной модели*, ибо эта модель построена как раз на *презумпции его политической нейтральности*. Не случайно на ее основе появился и концепт «гарант конституции», затем «президент-арбитр». Но проблема состоит в том, что сама эта **презумпция ложная**.

Выдвигая свою институциональную конструкцию, которая легла в основание Пятой Французской Республики, де Голль утверждал: «Единство, сплоченность и внутренняя дисциплина правительства должны признаваться священным достоянием Франции, иначе страна окажется в руках беспомощного и некомпетентного исполнительного органа. Но как можно на длительный срок обеспечить это единство, эту сплоченность и эту дисциплину, если *исполнительная власть исходит из другой власти*, которую, к тому же, ей

надлежит уравнивать, и если каждый из членов правительства, коллективно ответственного перед национальным парламентом, занимает свой пост в качестве уполномоченного своей партией? Иными словами, **исполнительная власть должна назначаться Главой Государства, стоящего над партиями**, избираемого коллегией, в которую несомненно войдет Парламент, но которая по своему составу будет более широкой¹², с тем чтобы иметь право наделить Президента Республики также и полномочиями Президента Французского Союза. Именно Глава Государства должен путем подбора людей соединить общие интересы с доминирующим в Парламенте направлением. Именно ему должно принадлежать *право назначать министров и прежде всего Премьер-министра, который руководит политикой и работой Правительства*. Глава Государства должен утверждать законы и издавать декреты, поскольку они налагают ответственность перед Государством на всех граждан. Он должен председательствовать на заседаниях Правительства, обеспечивая своим влиянием ту преемственность, без которой нация обойтись не может. *Он должен выполнять функции арбитра в случае политических разногласий либо обычным путем в ходе заседаний Совета министров, либо, в моменты серьезных конфликтов, призывая страну высказать путем голосования свое суверенное мнение*. А если над Родиной нависнет угроза, он должен выступить в роли *гаранта* ее национальной независимости и соблюдения заключенных Францией договоров» [Речь генерала де Голля 1946].

Таким образом, арбитр, «стоящий над партиями», оказывается, имеет право формировать правительство, т. е. контролировать исполнительную власть. Во Франции (как и в некоторых других смешанных республиках) эта несуразность микшируется силой нижней палаты парламента — Национального собрания: если большинство в нем принадлежит политическим противникам президента, он вынужден назначить премьера, кандидатуру которого выдвинет парламентское большинство (так бывало при Ф. Миттеране и Ж. Шираке). Впрочем, и тогда президент отнюдь не устраняется от управления государством, хотя и вынужден считаться с «политически чужим» правительством (французские конституционалисты называют этот период *cohabitation*, т. е. сожительство, сосуществование). Если же таких сдержек нет (как в России, например), то президент лишь *имитирует* свою нейтральность и, соответственно, роль гаранта. Ведь на него одновременно возложены функции по управлению страной и мощные полномочия по воздействию на исполнительную власть с ее финансовыми и силовыми ресурсами. Он не в состоянии отключиться от politics и от влияния на разнообразные policy и *остаётся сугубо партийным деятелем*, даже если формально не входит в какую-то партию. **Две роли**

¹² С 1962 г. французский Президент стал избираться на всеобщих выборах.

президента — «правителя» и «гаранта» неизбежно входят в конфликт между собой, и первая вытесняет, подавляет вторую.

Вот маленькая иллюстрация из российской политической практики. В интервью австрийскому телеканалу ORF (июнь 2018 г.) президент РФ сказал: «У вас разве мало — и в Европе в целом, и в Австрии — людей, которые выступают с каких-то крайних позиций, проповедают какие-то крайние точки зрения, пытаются манипулировать сложностями и проблемами в обществе? В частности, вопросами, связанными с коррупцией. На Украине, например, о которой мы с Вами говорили, один из лозунгов оппозиции при приходе к власти был борьба с коррупцией. Что там сейчас происходит с коррупцией? Что в Европе говорят про коррупцию на Украине? Все ругают руководство Украины за то, что они мало делают в этой сфере. *Мы не хотим, чтобы нам подсунули еще одного, второго, третьего или пятого Саакашвили, бывшего президента Грузии. Мы не хотим, чтобы у нас на нашей политической сцене появились Саакашвили во втором, третьем, четвертом издании. Вам нравятся такие фигуранты, якобы политические деятели? Нам, России, нужны люди с позитивной повесткой дня, которые знают, а не просто обозначают проблемы, которых у нас достаточно, так же как и у вас, в Австрии, так же, как и в любой другой стране*» [Интервью 2018].

3

Итак, главная проблема состоит в том, что институционально сильный президент не только не способен быть защитником конституционных ценностей, принципов конституционализма, но и подвержен соблазну установления режима личной власти. На мой взгляд, обе эти опасности можно минимизировать (или вообще преодолеть), если придать институту президента (как минимум, в смешанной модели) новый смысл. Президент должен быть (и восприниматься) *не руководителем государства*, а исключительно **хранителем** (это, кстати, гораздо точнее термина «гарант») конституционного строя. А такой строй основан на *конституционном ограничении государственной власти ради обеспечения равной возможности каждому человеку обладать правами, пользоваться ими и защищать их*. Такое ограничение обеспечивается, не в последнюю очередь, равными условиями для политической конкуренции (в каком-то смысле конституционализм можно редуцировать до *плюрализма*). Следовательно, едва ли не главная задача президента-хранителя состоит в *контроле за условиями равной и свободной политической конкуренции*, хотя это не отменяет задачи отсечения от участия в «политическом рынке» сил, не приемлющих саму идею конституционализма.

Казалось бы, для преобразования смысла института президента можно воспользоваться **концепцией «нейтральной власти»** Бенджамина (Бенжамена)

Констана¹⁵, согласно которой конституционный монарх *не руководит исполнительной властью* (как это мыслилось основателями теории разделения властей), а сосредоточивается *исключительно на обеспечении государственного спокойствия*. Сама идея самостоятельной ветви власти, отделенной от вульгарной борьбы за власть, безусловно, верна. Как верно и то, что носителем этой — новой — ветви власти должен быть глава государства. ***И все же концепция Констанана не вполне подходит для решения обозначенной выше задачи.***

Во-первых, в ней сужена цель носителя нейтральной власти. Сам Б. Констан определял ее так: «Власть исполнительная, власть законодательная и власть судебная суть три формы власти, каждая из которых в своей области должна содействовать общему развитию; но когда эти ***приведенные в беспорядок власти пересекаются, сталкиваются, мешают друг другу, нужна сила, чтобы вернуть всё на свои места.*** Эта сила не должна быть сосредоточена ни в одной из властей, поскольку в этом случае она служила бы разрушению прочих» [Констан 2000, с. 38]. Иными словами, предметом деятельности короля, по мысли Констанана, является *разрешение межинституциональных конфликтов*, «примирение сторон» (показательно, что одни русские государствоведы, адресуясь к концепции Констанана, называли нейтральную власть «умиряющей» [Лазаревский 1908, с. 33–34], другие — «умеряющей» [Чичерин 2006, с. 192], т. е., в обоих случаях, направленной на сдерживание, улаживание ссоры и т. п.). Улаживание конфликтов (и кстати, не только между госорганами, но и между конкурирующими политическими партиями) — важная функция. Но ее нельзя считать единственной или хотя бы главной задачей хранителя конституции. Глава государства должен, в первую очередь, ***желать и мочь защищать сам дух конституции.***

Во-вторых, само название «нейтральная власть» смещает акценты. Политическая нейтральность есть лишь необходимое условие для института, который призван защищать конституционный строй. А его *суть* новой ветви власти — именно в этой защите (хранении конституционализма). Так что лучше всего дать этой ветви другое название — *охранительная власть*.

В-третьих. Концепция Констанана рассчитана на конституционного монарха. Констан исходил *из силы институционального авторитета короля*. К. Шмитт верно заметил: «Политическое лидерство и руководство находятся в руках министров, ответственных перед народным представительством и зависимых от его доверия. Здесь знаменитая формула гласит: *Le roi règne mais il ne gouverne pas* (король царствует, но не правит. — М. К.). На вопрос, который

¹⁵ Ф. Ф. Кокошкин утверждал, что мысль об умеряющей, уравновешивающей власти «была высказана впервые в 1791 г. членом Национального собрания Клермон-де-Тоннерром и позднее, в 1814 г., подробно развита Бенжаменом Констаном» [Кокошкин 2010, с. 283]. О том же писал и К. Шмитт, говоря, что сам Констан упоминал идеи Клермон-Тоннера, «однако ограничился сообщением о том, что там содержатся “ростки” его учения» [Шмитт 2013, с. 188].

поставил крупный немецкий теоретик государственного права Макс Зайдель: что остается от *règne*, если убрать *gouverne*, можно ответить *различием между potestas¹⁴ и auctoritas¹⁵ и осознанием своеобразного значения авторитета в отношении политической власти*» [Шмитт 2010, с. 169]. Понятно, что для республиканского главы государства такая презумпция не подходит.

Замечу, кстати, что еще и поэтому неверна обобщенная дефиниция главы государства, включающая в себя такой элемент, как *символизация*. Символизировать государство, народное единство может лишь *монарх*. Если же мы признаём символом государства/единства нации президента, то любая критика в его адрес может квалифицироваться (и в авторитарных странах так и происходит) как покушение *на устой* государства. В такой логике закономерно объявление политических противников или хотя бы просто оппонентов президента врагами государства. Не может быть символом должность, за которую ведется борьба и которая регулярно переходит (должна переходить!) из рук в руки, а неизбрание президента на новый срок или отрешение его от должности находятся в рамках правил конституционного государства.

Предлагаемая модель (новый смысл) института президента состоит в том, что **он полностью отстраняется от участия в выработке политического курса и обязан только следить за соблюдением конституционных принципов и ценностей в деятельности политических субъектов, реагировать на их нарушения, обеспечивать политический плюрализм, разрешать конституционно-правовые конфликты, выводить государственную систему из тупиков, кризисов и экстремальных ситуаций.**

Да, нам сегодня трудно представить, чтобы президент с огромными полномочиями (впрочем, надо всегда уточнять, что именно скрывается за «огромными полномочиями») не занимался государственным управлением, даже не приближался к этому. Но требуется именно это.

В заключение попробую в общих чертах обрисовать основные параметры конституционно-правового статуса президента-хранителя применительно к России.

Во-первых, не стоит недооценивать степень воздействия конституционных характеристик того или иного института, особенно института-личности. На мой взгляд, уже само **конституционно закрепленное предназначение** президента как хранителя конституционного строя должно играть роль сильного мотиватора.

¹⁴ Власть как сила; власть, основанная на приказе.

¹⁵ Власть как влияние, «мягкая» власть.

Во-вторых, поскольку в новой своей роли президент должен быть политически нейтральным, постольку необходимо, чтобы он «не интересовался» своим рейтингом популярности. С этой целью он должен только **однократно замещать свою должность** (возможно, на более длительный, чем обычно, срок, например, на 8–10 лет).

В-третьих, следует подумать **над сужением его электората**. Конечно, тем самым снижается степень его легитимности. Но надо учитывать, что в качестве главы государства будет избираться не его руководитель, не политик, а *страж конституционализма*. Он избирается как своего рода *противовес политической элите* и потому (особенно в чрезвычайных условиях) должен быть уверен, что может опереться на государственный аппарат — гражданский, правоохранительный и военный, который и должен избирать президента-хранителя.

Поясню: под государственным аппаратом здесь понимается не вся совокупность лиц, облеченных властными полномочиями, и тех, кто помогает эти полномочия реализовывать, а только государственные и муниципальные **служащие** — гражданские, правоохранительные, военные. По российскому законодательству президент, премьер, федеральные и региональные министры, депутаты, губернаторы, судьи, некоторые другие должностные лица не считаются состоящими на государственной службе, т. е. *не являются госслужащими*. Это — **лица, замещающие государственные должности** Российской Федерации и субъектов РФ. А госслужащие — это те, кто *обеспечивает полномочия* лиц, замещающих государственные должности.

В-четвертых. У президента-хранителя **не должно быть «партийных» конституционных функций**, таких как определение основных направлений внутренней и внешней политики, руководство внешней политикой. Он **не должен принимать участие в формировании Правительства**. Кандидатуру премьера должна предлагать Госдума президенту, а не президент Думе, как сейчас. И свои полномочия Правительство должно слагать не перед вновь избранным президентом, а перед вновь избранной Думой. Вотум недоверия или отказ в доверии Правительству должен влечь его отставку (сегодня президенту предоставлен выбор между отставкой Правительства и роспуском Госдумы).

В-пятых, у президента появится, так сказать, **резервная (стабилизирующая) роль**. Если думские фракции не смогут договориться о кандидатуре премьера, то *президент сам формирует на один год Правительство*. Если через год такой временный Кабинет *получит доверие* нижней палаты, он станет полноценным Правительством. Если же Дума представит (через год) свою кандидатуру премьера, тогда временное «президентское» Правительство уходит в отставку. Если же по прошествии года Правительство не получит доверия Думы, а последняя не представит согласованную кандидатуру премьера, то президент распускает Думу и назначает новые выборы в нее.

В-шестых. Президент должен иметь возможность играть роль не только резерва в случае отсутствия договоренности между парламентскими фракциями, но и **блокатора против формирования Правительства из представителей антиконституционных партий**. Присутствие в парламенте представителей политических сил, программные установки которых противоречат принципам конституционализма, допустимо. Однако таким силам опасно предоставлять право формировать кабинет, т. е. проводить политику, противоречащую конституционным ценностям. Президент, отвечающий за конституционный строй, должен иметь право не давать согласия на создание подобного кабинета.

В-седьмых, президент-хранитель должен иметь не просто право отклонения законов. У него должно быть право **абсолютного вето**, т. е. не преодолеваемого квалифицированным парламентским большинством. Почему? Ведь вероятность преодоления и отлагательного вето невелика (показательно, что даже когда уровень популярности президента Б. Н. Ельцина к середине 1990-х гг. стал низким, тем не менее его вето было преодолено в отношении только одного федерального закона [Федеральный закон 1998]). Но невелика такая вероятность для «традиционного» президента, поскольку он так или иначе связан хотя бы с одним крупным сегментом политикума и, как правило, имеет достаточно много сторонников в парламенте, по крайней мере в одной из палат. Иное дело — президент-хранитель. У него, возможно, будут единомышленники в парламенте, но вряд ли много, т. е. он не будет «своим» для политической элиты, и тогда вероятность преодоления отлагательного вето резко вырастет.

Наконец, *в-восьмых,* президент, который в какие-то моменты противостоит политической элите, должен иметь **мощные силовые ресурсы**. Я не случайно сказал о целесообразности появления новой ветви власти — охранительной. В ее состав должны входить «силовые» органы. Другое дело, что потребуется решить вопрос, как именно разделить силовые ресурсы между президентом в его новом качестве и исполнительной властью.

Список литературы

- Баев, Ковальски 2011 — *Баев В. Г., Ковальски Е. С.* Ч. Европейский конституционализм Германии и Польши (опыт историко-теоретического анализа) : монография / под ред. С. А. Комарова. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского юридического института, 2011. 690 с.
- Бернам 2006 — *Бернам У.* Правовая система США / науч. ред. В. А. Власихин ; пер. с англ. А. В. Александрова и др. М. : Новая юстиция, 2006. Вып. 3. 1216 с.
- Вашингтон 1796 — *Вашингтон Дж.* Прощальное послание к нации. 19 сентября 1796 г. [Электронный ресурс] // ИНТЕЛРОС — Интеллектуальная Россия : сайт. URL: <http://www.intelros.ru/subject/disco-urses/1879-dzhordzh-vashington.-proshhalnoe.html> (дата обращения: 01.06.2018).
- Дёгтев 2005 — *Дёгтев Г. В.* Становление и развитие института президентства в России: теоретико-правовые и конституционные основы. М. : Юрист, 2005. 237 с.

- Дюги 1908 — *Дюги Л.* Конституционное право. Общая теория государства / пер. с фр. А. С. Ященко, В. А. Краснокутского, Б. И. Сыромятникова ; с предисл. к русскому переводу проф. П. Новгородцева и автора. М. : Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1908. XL, 957 с.
- Еллинек 1908 — *Еллинек Г.* Право современного государства. Т. 1 : Общее учение о государстве. 2-е изд., испр. и доп. по 2-му нем. изд. С. И. Гессеном. СПб. : Издание Юридического книжного магазина Н. К. Мартынова, 1908. XXIII, 599 с.
- Ильин 2019 — *Ильин И. А.* О монархе // Ильин И. А. Собрание сочинений : Новая национальная Россия. Публицистика 1924–1952 гг. / сост., вступ. статья Ю. Т. Лисицы ; подгот. текста О. В. Лисицы ; коммент. Ю. Т. Лисицы и А. Ю. Лисицы. М. : Институт Наследия, 2019. 916 с.
- Инаугурационная речь 2000 — Инаугурационная речь Президента Российской Федерации В. В. Путина 7 мая 2000 года [Электронный ресурс] // История современной России : портал. URL: <http://prohistory.info/ru/documents/434> (дата обращения: 25.12.2016).
- Инаугурационные речи 2001 — Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789–2001 гг.) с историческим комментарием / пер. с англ. В. В. Знаменского и др. ; общ. ред. и коммент. Э. А. Иваняна. М. : Изд. дом «Стратегия», 2001. 528 с.
- Интервью 2018 — Интервью австрийскому телеканалу ORF [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. 2018. 4 июня. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57675> (дата обращения: 05.05.2018).
- Канторович 2015 — *Канторович Э. Х.* Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. Изд. 2-е, испр. / пер. с англ. М. А. Бойцова, А. Ю. Серegiной. М. : Изд-во Института Гайдара, 2015. 752 с.
- Кивле, Сомов 2011 — *Кивле Г. А., Сомов М. Д.* Взаимоотношения парламента с главой государства // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 11. С. 42–47.
- Кокошкин 2010 — *Кокошкин Ф. Ф.* Лекции по общему государственному праву // Кокошкин Ф. Ф. Избранное / сост., автор вступ. ст. и коммент. А. Н. Медушевский. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 594 с.
- Констан 2000 — *Констан Б.* Принципы политики, пригодные для всякого правления // Французский классический либерализм : сборник / пер. с фр. М. М. Федоровой. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 592 с.
- Коркунов 2004 — *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права / предисл. проф. И. Козлихина. 2-е изд. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 430 с.
- Крутоголов 1980 — *Крутоголов М. А.* Президент Французской Республики: правовое положение. М. : Наука, 1980. 336 с.
- Лазаревский 1908 — *Лазаревский Н. И.* Лекции по русскому государственному праву. Т. 1 : Конституционное право. СПб. : Типография акционерного общества «Слово», 1908. 519 с.
- Линц 2006 — *Линц Х.* Опасности президентской формы правления // Теория и практика демократии. Избранные тексты / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева, Б. Г. Капустина. М. : Ладомир, 2006. 462 с.
- Локк 1996 — *Локк Дж.* Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения : в 3 т. Т. 3 / ред. и сост., авт. примеч. А. Л. Субботин ; пер. с англ. А. Н. Савина. М. : Мысль, 1988. 668 с.
- Постановление 2006 — Постановление Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2006 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности пункта 100 Регламента Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 50. Ст. 5371.
- Речь генерала де Голля 1946 — Речь генерала де Голля в Байо 16 июня 1946 г. [Электронный ресурс] // PROFILIB : электронная библиотека. URL: <http://profilib.com/chtenie/131017/sharldede-goll-voennye-memuary-tom-3-spasenie-1944-1946-lib-164.php> (дата обращения: 14.11.2016).
- Сахаров 1994 — *Сахаров Н. А.* Институт президентства в современном мире. М. : Юридическая литература, 1994. 176 с.
- Соловьев 2010 — *Соловьев В. С.* Византизм и Россия // Соловьев В. С. Избранное / сост., авт. вступ. ст. и коммент. С. Б. Роцинский. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 789 с.

- Тихомиров 1998 — *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. М. : Облиздат : Алир, 1998. 671 с.
- Токвиль 2000 — *Токвиль А.* Демократия в Америке / пер. с фр. ; предисл. Г. Дж. Ласки. М. : Весь Мир, 2000. 560 с.
- Федеральный закон 1998 — Федеральный закон от 15 апреля 1998 г. № 64-ФЗ «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 16. Ст. 1799.
- Федеральный закон 2020 — Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 50 (ч. III). Ст. 8039.
- Хряков 2010 — *Хряков А.* Психология «особого пути» и немецкие историки (1920–1940-е годы) // Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия : сб. ст. / Woodrow Wilson International Center for Scholars, Kennan Institute ; под ред. Э. А. Паина. М. : Три квадрата, 2010. С. 17–48.
- Черниловский 1991 — *Черниловский З. М.* Институт президентуры в свете исторического опыта // Советское государство и право. 1991. № 6. С. 110–116.
- Чичерин 2006 — *Чичерин Б. Н.* Общее государственное право / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М. : Зерцало, 2006. 505 с.
- Чичерин 2016 — *Чичерин Б. Н.* О народном представительстве. СПб. : Наука, 2016. 511 с.
- Шмитт 2005 — *Шмитт К.* Диктатура. От истоков современного суверенитета до пролетарской классовой борьбы / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца ; под ред. Д. В. Кузницына. СПб. : Наука, 2005. 326 с.
- Шмитт 2010 — *Шмитт К.* Учение о конституции (фрагмент) // Шмитт К. Государство и политическая форма / пер. с нем. О. В. Кильдюшова ; сост. В. В. Анашвили, О. В. Кильдюшов. М. : Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. С. 33–236.
- Шмитт 2013 — *Шмитт К.* Гарант конституции // Шмитт К. Государство: Право и политика / пер. с нем. и вступ. ст. О. В. Кильдюшова ; сост. В. В. Анашвили, О. В. Кильдюшов. М. : Изд. дом «Территория будущего», 2013. С. 27–220.
- Linz 1990 — *Linz J. J.* The Perils of Presidentialism // Journal of Democracy. 1990. Vol. 1. No. 1. Winter. P. 51–69. DOI: 10.1353/jod.1990.0011.
- Stein 2009 — *Stein T.* Der Bundespräsident als «pouvoir neutre»? // Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht. 2009. Bd. 69 (2). S. 249–256.
- Wilson 1917 — *Wilson W.* Constitutional Government in United States. New York : Columbia University Press, 1917. 236 p.

References

- Baev, V. G. and Koval'ski, E. S. Ch. (2011), *Evropeiskii konstitutsionalizm Germanii i Pol'shi (opyt istoriko-teoreticheskogo analiza)* [European constitutionalism in Germany and Poland (experience of historical and theoretical analysis)], Saint Petersburg Law Institute, Saint Petersburg, 690 p. (in Russian).
- Burnham, W. (2006), *Introduction to the Law and Legal System of the United States*, translated by Aleksandrov, A. V. et al., Novaya yustitsiya, Moscow, 1216 p. (in Russian).
- Chernilovskii, Z. M. (1991), “The institution of presidency in the light of historical experience”, *Soviet State and Law*, no. 6, pp. 110–116 (in Russian).
- Chicherin, B. N. (2006), *Obshchee gosudarstvennoe pravo* [General State Law], Zertsalo, Moscow, 505 p. (in Russian).
- Chicherin, B. N. (2016), *O narodnom predstavitel'stve* [On the people's representation], Nauka, Saint Petersburg, 511 p. (in Russian).
- Constant, H.-B. (2000), *Principes de politique applicables à tous les gouvernements représentatives*, translated by Fedorova, M. M., in *Frantsuzskii klassicheskii liberalizm: sbornik* [French

- Classical Liberalism], Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), Moscow, 592 p. (in Russian).
- Degtev, G. V. (2005), *Stanovlenie i razvitie instituta prezidentstva v Rossii: teoretiko-pravovye i konstitutsionnye osnovy* [Formation and development of the institution of presidency in Russia: theoretical, legal and constitutional foundations], Yurist, Moscow, 237 p. (in Russian).
- Duguit, L. (1908), *Manuel de droit constitutionnel: théorie générale de l'Etat, organisation politique*, translated by Yashchenko, A. S., Krasnokutskii, V. A. and Syromyatnikov, B. I., Tipografiya Tovarishchestva I. D. Sytina, Moscow, XL, 957 p. (in Russian).
- Federal Law of April 15, 1998 No. 64-FZ "On Cultural Property Displaced to the USSR as a Result of World War II and Located on the Territory of the Russian Federation" (1998), *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, vol. 16, item 1799 (in Russian).
- Federal Law of December 8, 2020 No. 394-FZ "On the State Council of the Russian Federation" (2020), *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, vol. 50, part 3, item 8039 (in Russian).
- "General de Gaulle's speech at Bayeux on June 16, 1946" (1946), *Profilib*, available at: <http://profilib.com/chtenie/131017/sharl-de-goll-voennye-memuary-tom-3-spasenie-1944-1946-lib-164.php> (accessed 14 November 2016) (in Russian).
- Il'in, I. A. (2019), "About the monarch", in Il'in, I. A., *Sobranie sochinenii: Novaya natsional'naya Rossiya. Publitsistika 1924–1952 gg.* [Collected works: New National Russia. Journalism 1924–1952], Institut Naslediya, Moscow, 916 p. (in Russian).
- "Inaugural speech of the President of the Russian Federation V.V. Putin on May 7, 2000" (2000), *Istoriya sovremennoi Rossii*, available at: <http://prohistory.info/ru/documents/434> (accessed 25 December 2016) (in Russian).
- Ivanyan, E. A. (ed.) (2001), *Inauguratsionnye rechi prezidentov SShA ot Dzhordzha Vashingtona do Dzhordzha Busha (1789–2001 gg.) s istoricheskim kommentariem* [Inaugural Speeches by US Presidents from George Washington to George W. Bush (1789–2001) with Historical Commentary], translated by Znamenskii, V. V. et al., Strategiya, Moscow, 528 p. (in Russian).
- Jellinek, G. (1908), *Das Recht des Modernen Staates. Vol. 1, Allgemeine Staatslehre*, 2nd ed., Izdanie Yuridicheskogo knizhnogo magazina N. K. Martynova, Saint Petersburg, XXIII, 599 p. (in Russian).
- Kantorowicz, E. H. (2015), *The King's Two Bodies. A Study in Mediaeval Political Theology*, 2nd ed., translated by Boitsov, M. A. and Seregina, A. Yu., Gaidar Institute for Economic Policy, Moscow, 752 p. (in Russian).
- Khryakov, A. (2010), "Psychology of the 'special path' and German historians (1920s–1940s)", in Pain, E. A. (ed.), *Ideologiya «osobogo puti» v Rossii i Germanii: istoki, sodержanie, posledstviya: sbornik statei* [Ideology of the "special path" in Russia and Germany: origins, content, consequences: Collection of articles], Tri kvadrata, Moscow, pp. 17–48 (in Russian).
- Kivle, G. A. and Somov, M. D. (2011), "Relationship of Parliament with the Head of State", *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, no. 11, pp. 42–47 (in Russian).
- Kokoshkin, F. F. (2010), "General State Law Lectures", in Kokoshkin, F. F., *Izbrannoe* [Selected Works], Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), Moscow, 594 p. (in Russian).
- Korkunov, N. M. (2004), *Lektsii po obshchei teorii prava* [Lectures on general theory of law], 2nd ed., Yuridicheskii tsentr Press, Saint Petersburg, 430 p. (in Russian).
- Krutogolov, M. A. (1980), *Prezident Frantsuzskoi Respubliki: pravovoe polozhenie* [President of the French Republic: legal status], Nauka, Moscow, 336 p. (in Russian).
- Lazarevskii, N. I. (1908), *Lektsii po russkomu gosudarstvennomu pravu. Tom I: Konstitutsionnoe pravo* [Lectures on Russian state law. Vol. I, Constitutional Law], Tipografiya aktsionernogo obshchestva «Slovo», Saint Petersburg, 519 p. (in Russian).
- Linz, J. (2006), "The Perils of Presidentialism", in *Teoriya i praktika demokratii. Izbrannye teksty* [The Democracy Sourcebook. Selected texts], translated by Inozemtsev, V. L. and Kapustin, B. G. (eds), Ladomir, Moscow, 462 p. (in Russian).
- Linz, J. J. (1990), "The Perils of Presidentialism", *Journal of Democracy*, vol. 1, no. 1, pp. 51–69. DOI: 10.1353/jod.1990.0011.

- Locke, J. (1996), "Two Treatises of Government", in Locke, J., *Sochineniya: v 3 tomakh. Tom 3* [Works, in 3 vols, Vol. 3], translated by Savin, A. N., Mysl', Moscow, 668 p. (in Russian).
- President of Russia (2018), *Interview to the Austrian ORF TV channel*, 4 June, available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57675> (accessed 05 May 2018) (in Russian).
- Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 29, 2006 No. 9-P "In the case of checking the constitutionality of paragraph 100 of the Rules of the Government of the Russian Federation" (2006), *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, vol. 50, item 5371 (in Russian).
- Sakharov, N. A. (1994), *Institut prezidentstva v sovremennom mire* [The institution of presidency in the modern world], Yuridicheskaya literatura, Moscow, 176 p. (in Russian).
- Schmitt, C. (2005), *Die Diktatur. Von Den Afangen Des Modernen Souveranitatsgedankens Bis Zum Proletarischen Klassenkampf*, translated by Korinets, Yu. Yu., Nauka, Saint Petersburg, 326 p. (in Russian).
- Schmitt, C. (2010), "Verfassungslehre (Ausschnitt)", in Schmitt, C., *Gosudarstvo i politicheskaya forma* [State and political form], translated by Kil'dyushov, O. V., Higher School of Economics, Moscow, pp. 33–236 (in Russian).
- Schmitt, C. (2013), "Garant der Verfassung", in Schmitt, C. *Gosudarstvo: Pravo i politika* [State: Law and Politics], translated by Kil'dyushov, O. V., Territoriya budushchego, Moscow, pp. 27–220 (in Russian).
- Solov'ev, V. S. (2010), "Byzantism and Russia", in Solov'ev, V. S., *Izbrannoe* [Selected Works], Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), Moscow, 789 p. (in Russian).
- Stein, T. (2009), "Der Bundespräsident als 'pouvoir neutre'?", *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*, bd. 69 (2), ss. 249–256.
- Tikhomirov, L. A. (1998), *Monarkhicheskaya gosudarstvennost'* [Monarchical statehood], Oblizdat, Alir, Moscow, 671 p. (in Russian).
- Tocqueville, A. (2000), *De la démocratie en Amérique*, Ves' Mir, Moscow, 560 p. (in Russian).
- Washington, G. (1796), "Farewell message to the nation. September 19, 1796", *INTELROS, Intellektual'naya Rossiya*, available at: <http://www.intelros.ru/subject/disco-urses/1879-dzhordzh-washington.-proshhalnoe.html> (accessed 01 June 2018) (in Russian).
- Wilson, W. (1917), *Constitutional Government in United States*, Columbia University Press, New York, 236 p.

Рукопись поступила в редакцию / Received: 15.03.2021

Принята к публикации / Accepted: 17.04.2021

Информация об авторе

Краснов Михаил Александрович
доктор юридических наук,
ординарный профессор,
профессор-исследователь
Научно-исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000 Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20
E-mail: mkrasnov@hse.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-5641-4689

Information about the author

Krasnov, Mikhail Aleksandrovich
D. Sci. (Law Sciences),
Tenured Professor,
Professor-Researcher
National Research University
Higher School of Economics National
20 Myasnitskaya St., Moscow,
101000 Russia
E-mail: mkrasnov@hse.ru
Author's ORCID: 0000-0002-5641-4689